

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Ю. Дворниченко, Н. В. Штыков

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ЮРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ

Статья посвящена научному творчеству профессора Санкт-Петербургского государственного университета Юрия Георгиевича Алексева (1926–2017). Ученик И. И. Смирнова, он стал одним из ярких представителей петербургской школы историков, талантливым ученым, замечательным лектором и популяризатором исторической науки. Среди научных интересов Ю. Г. Алексева — социальная, экономическая и политическая история древней и средневековой Руси, история русского законодательства, аграрная история, военная история, история флота. В статье анализируются работы Ю. Г. Алексева на фоне развития отечественной исторической науки XX–XXI вв. В числе работ ученого можно выделить циклы его книг по аграрной истории России, эпохе Ивана III и памятникам русского средневекового законодательства. В последние годы историк уделял особое внимание проблемам военной истории России. Все монографии ученого тесно связаны между собой и посвящены становлению и развитию Российского государства. Авторы статьи последовательно рассматривают труды Ю. Г. Алексева, отмечая его тщательную, филигранную работу с источниками и глубокое знание историографии. Взгляды Ю. Г. Алексева на эволюцию социально-экономических отношений в средневековой Руси авторы сравнивают с концепцией И. Я. Фроянова о роли общины в истории российской государственности. Наряду с другими ленинградскими учеными-аграрниками — Н. Е. Носовым, А. И. Копаневым, И. Я. Фрояновым, А. Л. Шапиро, Д. И. Раскиным — Ю. Г. Алексеев по-новому рассмотрел характер развития крестьянской общины в России XV–XVI вв. Скрупулезное изучение разноплановых источников привело Ю. Г. Алексева к мысли о земско-служилом характере Российского государства. При этом особую ценность для исторической науки представляют его работы по истории отечественного законодательства (анализ Псковской Судной грамоты, Судебника Ивана III, уставных грамот) и формирования аппарата управления. Вклад Ю. Г. Алексева в исследование военной истории многогранен. Изучение походов русских войск при Иване III позволило ученому доказать проведение в России XV — начала XVI в.

Дворниченко Андрей Юрьевич — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.dvornichenko@spbu.ru

Штыков Николай Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; n.shtykov@spbu.ru

Dvornichenko Andrey Yurievich — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.dvornichenko@spbu.ru

Shtykov Nikolaj Valerievich — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; n.shtykov@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

масштабных реформ организации управления военным делом. Военные победы Ивана III, освобождение Руси от ордынской зависимости и создание единого государства стали возможны благодаря выходу на качественно новый уровень организации командования войсками. Библиогр. 62 назв.

Ключевые слова: Ю. Г. Алексеев, история России, историография, средневековая Русь, военная история, аппарат управления.

Для цитирования: Дворниченко А. Ю., Штыков Н. В. Выдающийся представитель петербургской исторической школы Юрий Георгиевич Алексеев // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 4. С. 878–896. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.414>

A. Yu. Dvornichenko, N. V. Shtykov

AN OUTSTANDING REPRESENTATIVE OF ST. PETERSBURG HISTORICAL SCHOOL YURIY GEORGIEVICH ALEKSEEV

The article is devoted to the scholarly creativity of the professor of St. Petersburg State University Yuriy Georgievich Alekseev (1926–2017). Being the apprentice of the well-known Soviet historian I. I. Smirnov, Alekseev became one of the brightest representatives of the St. Petersburg (Leningrad) School of historians — a famous scholar, remarkable lecturer and promoter of historical science. Among his scientific interests one can find the problems of the social, economic and political history of ancient and medieval Russia, the history of Russian legislation, agrarian history, military history, the history of the Navy. The article analyses the work of Yu. G. Alekseev in the connection with the development of the domestic historical science of the 20th and the beginning of the 21 centuries. Alekseev devoted his books and articles to the agrarian history of Russia, the era of Ivan III and monuments of Russian medieval legislation. In recent years he paid particular attention to the problems of Russia's military history. All his monographs are closely linked with one another, and all together dedicated to the formation and development of the Russian State. The authors of the article attentively analyze the works of Yu. G. Alekseev, paying close attention to his thorough and subtle work with sources and in-depth knowledge of historiography. The authors compare Alekseev's views on the evolution of the socio-economic relations in medieval Russia with I. Ya. Froyanov's conception of community conception and simultaneously show the connection of these views with the legacy of N. P. Pavlov-Silvansky. Along with other historians of the peasantry, among whom are N. E. Nosov, A. I. Kopanev, I. Ya. Froyanov, A. L. Shapiro, and D. I. Raskin, Alekseev created new theory of the development of Russian peasantry and community during 15th and 16th centuries. A main theoretical conclusion of Alekseev is his conceptualization of the medieval Russian state as so called *zemsko-sluzhiloie* (land-service) State. This theory is a valuable contribution to scholarship. Also of value are his works on the history of national legislation. One can say that his works about the Pskov Judicial Act, Laws of Ivan III, statutory diplomas, his book devoted to the shaping of the Russian administration are the 'gold standard of national historical scholar'. His contribution to the study of Russia's medieval military history is multifarious. Alekseev studied the campaigns of Russian troops under the rule of Ivan III and could reveal the large-scale reforms of the Organization of the Office of the military business in Russia of the 15th and 16th centuries, particularly, a qualitatively new level of command of the troops. The military victories of Ivan III, the liberation of Russia from the horde's dependency and the creation of a single State — all these achievements were the result of the above-mentioned great reforms. Refs 62.

Keywords: Yu. G. Alekseev, Russian history, historiography, medieval Rus, military history, management apparatus.

For citation: Dvornichenko A. Yu., Shtykov N. V. An outstanding representative of St. Petersburg historical school Yuriy Georgievich Alekseev. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 4, pp. 878–896. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.414>

Жанр статьи толкает к лапидарности, которая в случае с выдающимся историком особенно досадна. Но что делать! Пусть эта статья будет одной из первых попыток объективно проанализировать творчество Юрия Георгиевича после его ухода...

Юрий Георгиевич был блестящим представителем петербургской школы историков. А есть ли таковая? Она есть, и «отличается своим непоколебимым, не подверженным конъюнктурным влияниям методом исследования» [Аль 2007, с. 86]. Наверное, не стоит все сводить к методу или отношению к источнику. Но есть характерные, можно сказать, имманентно присущие школе черты. У нас нет сейчас ни желания, ни возможности погружаться в давний спор по поводу существования и взаимоотношений «петербургской» и «московской» исторических школ. Свои коррективы вносила и советская эпоха — часть общероссийской истории, но со своим своеобразием.

И тогда школа (ленинградская), пусть и в марксистско-ленинских одеяниях, продолжала жить и развиваться. Свидетельство тому — творчество Юрия Георгиевича. При этом заметен некий парадокс: историк не может вырваться из своего времени, придерживаясь современной ему системы взглядов (в данном случае «диалектический и исторический материализм»), но в его диалоге с эпохой благодаря таланту и прекрасному знанию источников нет «зашоренности» теорией, и устанавливается, пусть и опосредованная, связь с «дореволюционным» периодом развития историографии. И эта связь историографических времен и есть школа, традиция, благодаря которой науке в России не надо все начинать с чистого листа!

Первые работы историка посвящены аграрной истории: книга «Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв.» [Алексеев 1966] и статьи, которые выходили до и после книги [Юрий Георгиевич Алексеев 2001, с. 8–10]. По этой же тематике была защищена и кандидатская диссертация. Выполнена она была под руководством Ивана Ивановича Смирнова, который вместе с Б. А. Романовым олицетворяет собой первое поколение «советской петербургской (соответственно ленинградской) школы». Это была та генерация советских историков, которая появилась уже после покровщины, после дикого и тягостного «изгнания науки» [Кривошеев, Дворниченко 1994], но опиралась уже на новую идеологию. Уже в его творчестве сказалась та закономерность, о которой только что шла речь. Работы, порожденные конъюнктурой советской теории, имеют сугубо историографическое значение. Авторы этих строк хорошо помнят, как Юрий Георгиевич (при всем его пиетете к учителю) говорил о солидном труде Смирнова, посвященном «восстанию Болотникова», что он устарел. В то же время работы, которые лежат в русле глубокой историографической традиции, не устареют никогда.

В своих первых работах Ю. Г. прослеживал судьбы черной крестьянской волости, ее отношения с вотчиной, т. е. крупным частным или монастырским землевладением. Делать это тем более важно и интересно, что эта волость (их, вообще-то, много) находится в самом центре формирующейся московской государственности. Делает это ученый мастерски и очень увлекательно для читателя. Наблюдения его мощно фундированы источниками. Достаточно сказать, что он ввел в исследовательский оборот новый репрезентативный источник — Межевую книгу вотчин Троице-Сергиева монастыря [Алексеев 1963, с. 500–541].

Методика работы Ю. Г. Алексеева дала впечатляющие результаты: он использует данные вспомогательных наук и даже моделирует бюджет своих героев: и землевладельцев, и крестьян [Алексеев 1964, с. 435–438; Абрамович 1969, с. 50–53]. Подход его ясен и понятен: крестьянин — собственник своего участка-аллода [Алексеев 1967, с. 73]. «Если волость является материальным выражением дофеодалного общества и его традиций (и важнейшей из них — крестьянской “свободы”), то

феодалная вотчина воплощает новые феодальные порядки — в первую очередь крестьянскую зависимость», — писал он в своей первой книге [Алексеев 1966, с. 3].

Здесь выражена суть, квинтэссенция русского Средневековья, здесь и программа его изучения. По воспоминаниям А. А. Зимина, «сначала Юрий Георгиевич склонен был искать ключ к решению вопроса (судеб землевладения и крестьянства. — *Авт.*) в постановке проблемы “вотчина и община”, близкой к исканиям Н. П. Павлова-Сильванского. Его доклад 1970 г. на эту тему у нас в секторе (Института истории в г. Москве. — *Авт.*) не удался, зато конкретные работы по истории общины в отдельных районах оказались весьма содержательны, хотя принципиально они лишь подтверждали сделанные им ранее в книге наблюдения» [Зимин 2002, с. 3]. Отметим, что в варианте книги А. А. Зимина, опубликованной А. Л. Хорошкевич, есть только такая фраза: «Его стали волновать такие общие вопросы, как взаимоотношение волости с вотчиной и государством (Павлов-Сильванский)» [Судьбы 2015, с. 119–120]. Хотелось бы узнать больше, но как-то неудобно было расспрашивать Юрия Георгиевича, а теперь уже не расспросить...

Но для знающего человека и в кратких сведениях Зимина масса информации! Зря, кстати, Зимин в тех же воспоминаниях упрекает Ю. Г. в невнимании к литературе: историографию тот знал прекрасно. После своей мощной книжки он, видимо, явственно ощутил свою органическую связь с «дореволюционной» историографией, с Николаем Павловичем Павловым-Сильванским. Ведь у нас его часто представляют адептом феодализма, «забывая» о том, что целая эпоха древней русской истории под его пером предстает в виде «мирского строя», другими словами, полного господства вечевой общины [Дворниченко 2014, с. 186]. И тут надо видеть влияние не только славного Г. Маурера [Муравьев 2016, с. 177], но и всей не менее славной традиции русской исторической науки [Дворниченко 2014, с. 186].

Собственно, Ю. Г. шел во многом тем же путем, что и Павлов-Сильванский. И через десять лет историк считал, что именно Н. П. Павлов-Сильванский высказал в дореволюционной историографии наиболее правильные взгляды на сущность крестьянского землевладения [Алексеев, Копанев 1975, с. 64]. Видимо, он хотел развивать те же идеи, чувствуя, что способен значительно их углубить на основе новых наблюдений. Книга полностью подтверждает эту нашу мысль. В ней (как и в статьях) хорошо прослежен процесс постепенного поглощения черной волости вотчиной, а главное, помещьем. Наступление начинается к началу XVI в., достигает огромного успеха, а к концу этого столетия фактически завершается. Роковыми для нее оказались десятилетия правления Ивана Грозного. С исчезновением в центре страны черной волости с ее «относительно свободным крестьянским населением» аграрная и социальная история России вступает в новый этап — безраздельного господства феодального поместья с его развитой системой крепостнической эксплуатации [Алексеев 1966, с. 65, 147, 162, 166, 184–185, 217].

Обратим внимание и на роль поместья в аграрной истории. Ю. Г. понимал его значение в процессе распада старинного земельного строя [Алексеев, Копанев 1975, с. 37–69]. И это — тоже в русле традиций отечественной науки. Роль поместья как решающего фактора стала ясна со времен В. И. Сергеевича, а может быть, и раньше. Выходу обобщающей статьи о поместной системе предшествовала скрупулезная работа над изучением вотчины и поместья в рамках творческого коллектива под руководством А. Л. Шапиро. Ю. Г. изучал не только Водскую пятину в целом, но

и помещичье землевладение [Аграрная история 1971, с. 184–226, 333–336; Аграрная история 1974, с. 141–183, 270–274]. Он глубоко его исследовал и на северо-западном материале. И так глубоко вошел в тему, что даже выявил «предприимчивость» российских «помещиков», выразившуюся в своеобразной «игре»: выставлении вместо себя в службу передаточного со 100 четвертей земли. Это позволяло выставлявшему получить надбавку к денежному жалованию от власти. К сожалению, в проигрыше оставался крестьянин, из которого выкачивались средства на передаточного [Алексеев 1971, с. 117].

В общем, конечный вывод в монографии 1966 г. был вполне им осознан и обоснован: «Уничтожение черной волости в центре страны во второй половине XVI в. — конечный этап истории *раннего* (курсив наш. — Авт.) русского феодализма» [Алексеев 1966, с. 225]. Однако такая формулировка могла вызвать много вопросов: если в это время «феодализм» еще «ранний», то что было на протяжении добрых 500–600 лет? Или того хуже... существовал ли он? Тут уже речь шла о священной корове советской исторической науки — о государстве. Если крестьяне были свободны, то что же делало эксплуататорское государство, или (страшно подумать!) оно было неэксплуататорским? Да и было ли оно вообще? Количество такого рода вопросов вполне объясняет ситуацию с тем выступлением на секторе....

Неизвестно, что могло бы случиться с исследователем, но он был не одинок. Существовала целая группа исследователей, которую москвичи называли «ленинградской школой». Возглавлявший ее И. И. Смирнов в полемике с признанным главой московской школы Л. В. Черепниным написал знаменитую статью со скромным названием «Заметки о феодальной Руси XIV–XV вв.» [Смирнов 1962]. Вокруг него сгруппировались звезды тогдашнего ленинградского научного небосклона: Н. Е. Носов, А. И. Копанев, Ю. Г. Алексеев. Близок в своих воззрениях к Ю. Г. Алексееву был и союз университетских историков с историком-архивистом, выступивший с интересной статьей «О формах черного крестьянского землевладения XIV — XVII» (А. Л. Шапино, И. Я. Фроянов, Д. И. Раскин). Впрочем, об этой полемике уже столько раз писали, что повторяться не хочется [Петров 2002, с. 10–16]. С высоты (или дна?) современности стоит отметить лишь две, но важные вещи. Споры по поводу черной волости — была ли она государственной собственностью, или собственностью самих черных людей-волощан, или разделенной собственностью волости и государства — были отнюдь не столь схоластическими, как может сейчас показаться.

С одной стороны, эти споры продолжали те тенденции, которые проявились уже в «дореволюционной» историографии. Ведь и идею о верховной государственной собственности сформулировал не марксист-ленинец Л. В. Черепнин, а гегельянцы Б. Н. Чичерин и В. И. Сергеевич [Алексеев, Копанев 1975, с. 64–65]. Пройдет еще несколько лет, и спор о государственной собственности развернется и в области изучения Киевской Руси. Здесь главным противником Черепнина будет Фроянов... Спор этот длится и по сей день [Дворниченко 2016, с. 7–17]. Как справедливо отметил К. В. Петров, эти споры выводят еще и на проблему природы государства, характера его власти: К. Лапмрехт, Н. Фюстель де Куланж и др. против Р. Зома, Г. Белофа и др. [Петров 2002, с. 15]. Добавим, что проблема актуальна и для российской исторической и историко-юридической науки, и тогда сюда можно подставлять совсем другие фамилии.

С другой стороны, идеи, высказанные И. И. Смирновым и получившие развитие в трудах талантливых ленинградских историков, открывали совершенно новый путь для изучения российской истории XIV–XVI вв. Их работы — «гимн во славу смекалки, труда и свободы» русского крестьянина. Эти слова А. А. Зимин адресовал А. И. Копаневу [Судьбы 2015, с. 118], но, кажется, их можно адресовать всей этой ленинградской дружине ученых. Один из авторов данной статьи вспоминает последние беседы с Ю. Г. на лавочке в коридоре родного истфака. Ю. Г. с большим трудом добирался до аудитории, где читал курс «Аграрная история России». Кстати, после его ухода пришлось этот курс отменить: никто пока не потянет...

Ленинградские историки понимали, что дефектом советской историографии является отсутствие внимания к свободному крестьянству, его трагическим судьбам [Алексеев, Копанев 1975, с. 63]. Ю. Г. рассказал, что в незаконченной работе его учитель начал рисовать портрет российской крестьянской цивилизации. Видимо, это несколько походило на те историко-социологические образы, которые представляли незадолго до смерти воображению А. Я. Гуревича: европейская крестьянская цивилизация... (за его творчеством, кстати, Ю. Г. внимательно следил [Алексеев 1970b, с. 256–261]). Насколько это интереснее, чем пресловутый феодализм, где они «объявись» (воображением историков) — в Европе ли, в России или еще где? К сожалению, этот «проект» ленинградских историков в жизнь не воплотился.

Но Ю. Г. остался верен своей любви к общине, которая его интересовала во все эпохи российской истории [Алексеев 1970a, с. 345–362; Алексеев 1972, с. 205–207]. Только теперь (в 70-е годы) объектом его исследования стала община городская. Как всегда, он подошел к теме и как источниковед (кстати, тема «Алексеев — источниковед» могла бы стать самостоятельной в изучении его наследия), и как почитатель теории. И вот не такой частый в истории науки феномен: им была написана статья [Алексеев 1979, с. 242–274], которая имеет значение не меньшее, чем монография. Действительно, значение этой, в общем-то, негромоздкой статьи нельзя переоценить.

Исследователь хочет понять истоки происхождения черных людей, и прежде всего городских черных людей. Суть его подхода в том, что в древности Новгород и Псков являли собой типичные общинные организмы, яркой чертой которых была еще нерасчлененная социальная структура. Правда, он оговаривается, что, скажем, для XII в. деление на социальные страты уже было, однако в социальной терминологии еще не отразилось [Алексеев 1979, с. 247]. И все-таки община Новгорода была еще относительно едина, и лишь в процессе исторического развития XIII–XV вв. она постепенно разделялась на архаические сословия, что и получило отражение в социальной терминологии. Сначала община делилась на «старейших» и «меньших». Потом такого «двучленного» деления стало недостаточно: на смену «старейшим» приходят бояре, а «меньшие» в свою очередь распадаются на «житых» и «черных» людей. При этом черные люди отличаются и от сельского населения — сирот, которые в других грамотах именуется смердами.

Социальная эволюция продолжается и дальше: черные люди покидают авансцену политической жизни (перестают упоминаться в актах), выделив из себя купцов. Отдельное внимание исследователь уделяет Новгородской Судной грамоте, которая конкретизирует и расширяет сведения о социальной структуре Новгорода. Грамота отражает дальнейшее падение социального статуса черных людей, чье социальное неполноправие начинает преобразовываться в юридическое неполно-

праве. Вечевая община исчерпала возможности своего существования. Примерно те же процессы идут и в Псковской земле, но с определенным отставанием.

Концепция Ю. Г. вновь противостояла московской исторической школе — на этот раз воззрениям главы московского новгородоведения Валентина Лаврентьевича Янина. Ю. Г. убедительно показал, что концепция происхождения Новгорода с его знаменитыми концами из нескольких боярских патронимий — явно не вяжется с историческими реалиями. Община — она и есть община! Город с вышеупомянутыми концами и сотнями — территориальная община, пережившая несколько стадий в своем политическом и социальном развитии. Дискуссионная и ярко написанная статья о черных людях придала работам Ю. Г. концептуальную цельность [Аракчеев, Стрельников 2006, с. 17].

Концепция истории городской общины оформилась в монографии 1980 г. «Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв.». Она посвящена общине Пскова. Во введении историк объяснял, почему выбрал Псков. Его привлекла сама Псковская Судная грамота тем, что после Русской Правды и на протяжении трех веков это наиболее полный и разносторонний кодекс русского права с широчайшим охватом социальных явлений. Грамота была подвергнута кодикологическому и источниковедческому в целом анализу, что позволило по-новому (и более убедительно по сравнению с предшественниками) представить структуру текста грамоты [Алексеев 1980, с. 6–11; Алексеев 1978а, с. 70–103]. В 1997 г., в год юбилея Псковской Судной грамоты (ПСГ), в Пскове увидело свет самое совершенное издание ценного источника с комментариями и исследованием Ю. Г. [Псковская Судная грамота 1997; Алексеев 1984, с. 321–331].

Небольшая книга — образец исторического и одновременно историко-юридического исследования. О ней уже писали [Аракчеев, Стрельников 2011, с. 18–19] и будут писать. Для целей нашего анализа творчества историка надо отметить, что под его искусным пером в результате анализа возникает архаичная, по сути городская община, которая является территориальной общиной с чертами дофеодальной демократии. Псковское общество эпохи грамоты еще не знало социальной дифференциации. Для общины характерен дуализм власти: она управляется князем, посадником и сотскими, причем князь по рукам и ногам связан вечевыми органами во главе с посадником. Вече — народное собрание, в котором принимали участие все свободные жители города.

Такая степень свободы, естественно, определяет и характер суда о головщине, татьбе и разбое, т. е. по тем преступлениям, которые являются самыми тяжкими у всех народов. Здесь масса архаических черт: и послухи, и вызов в суд перед лицом всей общины, и «закличь» на торгу, что возможно опять-таки только в общине. Сами объекты этих судебных действий — «мелкие и средние собственники города и деревни», члены общинных братчин и «пивцы» на общинных пирах. Назвать такого собственника феодалом нельзя — иногда он владеет не селом даже, а отдельными угодьями. Наблюдается и коллективное землевладение горожан. А еще одна особенность вечавого строя — особое положение привилегированной городской общины над массой тяглых сельских общин.

Не менее архаично и гражданское право. «Старое, патриархальное, примитивное еще живет, опираясь на традицию обычая», мелкие сделки в среде тех же рядовых горожан и крестьян заключаются по очень древним обычаям [Алексеев 1976а,

с. 126–147]. То же и суд о наследстве: спор решается не предъявлением документа, а показаниями соседей. Семейное право ПСГ — прежде всего действующее обычное право. В суде о земле исследователь наблюдает «перемешивание разностадийных норм»: наряду с устной сделкой и правом выкупа появляется новый суд по грамотам [Алексеев 1974, с. 125–141].

Архаика в социальных отношениях видна и при рассмотрении положения зависимых людей, которые историк рассматривал в широкой перспективе, в разных исторических памятниках [Алексеев 1978b, с. 148–173]. Наймит связан с хозяином не как с феодалом, а определенными экономическими отношениями [Алексеев 1975a, с. 22–29]. Сущность этих отношений — работа наймита на государя и получение им найма. При этом и над тем, и над другим возвышается община, которая участвует в их спорах. Это не феодальные отношения или уже настолько специфические феодальные, что ближе к бюргерскому, раннебуржуазному типу, каковой наблюдался в Западной Европе. То, что Ю. Г. не верил в буржуазные отношения, подтверждается тем, что он поддержал В. Н. Бернадского, находившего принципиальные отличия между Флоренцией и Новгородом [Алексеев 1980, с. 219].

В поземельной зависимости находится, пожалуй, только изорник. Но эта поземельная зависимость не приводит изорника к утрате им гражданских прав. Власть государя над ним довольно ограничена, да и мир (община) вмешивается в эти отношения. В общем, оказывается, что эта «поземельная зависимость» гораздо менее прочна, чем зависимость монастырского крестьянина или (тем более) будущего крепостного. Это ясно видно, если сравнить положение изорника, например, с положением челядина-наймита Правосудия митрополичьего [Алексеев 1982, с. 46–47]. Вообще, все эти «феодальные отношения» только в процессе развития: «Можно сказать, что изорник превращается из свободного человека в феодально-зависимого крестьянина в той мере, в какой его государь из мелкого вотчинника крестьянского типа превращается в феодала» [Алексеев 1980, с. 203].

Завершает книгу исследование «Брани о смердах» — крупнейшего социального конфликта, который всколыхнул Господин Псков на закате его существования. Брань эта, тщательно и искусно проанализированная историком, многое рассказывает об особенностях взаимоотношений в рамках города-государства между главной городской общиной и зависимыми от нее черными крестьянами-смердами. Несмотря на то что в городской общине Пскова шел процесс социального расслоения, вся община в целом противостояла государственным крестьянам-смердам. Именно власть городской привилегированной общины над тянущимися к городу землями, населенными черными крестьянами-смердами, — вот что составляло на протяжении веков политическую основу вечевой республики.

По тематике и внутреннему содержанию книга Ю. Г. была тесно связана с книгой И. Я. Фроянова [Фроянов 1980]. В основу монографии И. Я. легла докторская диссертация, защищенная в 1974 г. Шесть лет эта диссертация «провисела» в ВАКе, а на вышеупомянутую книгу будет осуществлена настоящая «красногвардейская атака», вполне напоминающая травлю. «Провисит» в издательстве (вплоть до перестройки) и книга, посвященная, казалось бы, нейтральной теме — историографии Киевской Руси!

В своих трудах И. Я. Фроянов обосновывал господство общинных, достаточно архаичных традиций в Киевской Руси (т. е. в IX — начале XIII в.). Труды двух исто-

риков как бы сомкнулись и хронологически, и по глубинному смыслу. Этим был потрясен один из авторов этих строк, который в начале 80-х годов обучался в аспирантуре ЛГУ им. А. А. Жданова. В своей диссертации он попытался на материале городских общин Верхнего Поднепровья и Подвинья [Дворниченко 1988, с. 58–73] применить ту методику и теорию, которые разработали И. Я. Фроянов и Ю. Г. Алексеев [Дворниченко 2013]. Книги «Киевская Русь» Фроянова и «Псковская Судная грамота и ее время» Алексеева стали настольными. Естественно, что руководителем диссертации стал Фроянов, а одним из оппонентов — Алексеев. Не удивительно и то, что оба ученых испытывали друг к другу большую симпатию, несмотря на ангажированность Алексеева академической наукой. Придет время, Ю. Г. покинет Институт истории и Педагогический институт им. А. И. Герцена и перейдет работать в Большой университет (как его называют в Петрополисе). Ю. Г., конечно, не вошел в школу Фроянова, начал формировать свою школу. Но подходы к русской истории и того, и другого направления очень близки.

Держа в поле зрения общину и вотчину, изучая их по отдельности и во взаимоотношениях, Ю. Г. до поры до времени не трогал проблему государства. Оно существовало как бы изначально, зримо и незримо присутствуя в историческом процессе. Правда, верхняя грань существования древнего государства вырисовывалась довольно четко: «После опричнины окончательно торжествует помещичье-дворянская собственность, основа складывающегося самодержавия и крепостнического строя» [Алексеев, Копанев 1975, с. 61]. Именно в это время не только гибнет основной массив черных земель, но и ликвидируется старинная вотчина, основанная на традиционных отношениях. Процесс этот был хорошо показан другим представителем ленинградской исторической школы — Русланом Григорьевичем Скрынниковым, за творчеством которого Ю. Г. внимательно следил [Алексеев 1976b, с. 204–205]. Кстати, этот «период трагедии русского крестьянства» весьма не нравился Ю. Г. Как человек добрый, необыкновенно светлый, он не воспринимал кровавую опричнину. Но предшествующая государственность ему (как истинному государственнику) вполне импонировала [Алексеев 1998b, с. 377–402]. К ее изучению толкала и бьющая через край любознательность историка, что называется, от Бога. В общем, вся эта сложная гамма причин и обусловила концентрацию научного внимания на эпохе государственности Ивана III. Можно смело сказать, что Ю. Г. стал в отечественной историографии самым глубоким знатоком этой государственности, хотя его подход и не лишен, как увидим, некоторых противоречий.

Книга «Судебник Ивана III. Традиция и реформа» стала, на наш взгляд, венцом изучения этой темы. Все остальные работы данного цикла так или иначе связаны с этой книгой. Рассмотрев историографию памятника, историк пришел к выводу о том, что «более чем двухвековое изучение Судебника представляет собой достаточно содержательный историографический феномен», в котором отразились различные направления русской исторической науки. Он почти полностью игнорировался «общеисторической» наукой, а при историко-юридическом изучении к нему прикладывались мерки, выработанные историками права на совсем другом материале [Алексеев 2001, с. 75–76]. Так что перед исследователем оказалась если не *tabula rasa*, то уж точно *terra incognita*. И он с честью нес на себе крест первопроходца.

Как и в случае с ПСГ, историк рассмотрел Судебник на широком правовом фоне в окружении разновременных правовых документов [Алексеев 2000, с. 50–63].

Он основательно изучил обстоятельства принятия Судебника, тщательно поработал с текстом выдающегося памятника русской правовой мысли и пришел к выводу, что реально известный нам текст Судебника представляет собой единый законодательный корпус и должен как таковой исследоваться [Алексеев 2001, с. 179]. Прежде чем перейти к такому изучению, он кратко рассмотрел «государственное строительство в канун Судебника», а также важнейшую проблему: «Княжой устав и обычное право». Здесь он пришел к важнейшему выводу о том, что, несмотря на знакомство с византийским правом, не оно было основой судебно-уставной деятельности русских князей. Основой было обычное право, осознанно или неосознанно воспринимаемое князьями. Более того, княжое право есть, в сущности, форма и разновидность народного права, ведь княжеская власть выростала и развивалась в соответствии с наиболее существенными потребностями общества. Такой мудрый вывод Ю. Г. звучал чрезвычайно свежо на фоне «дореволюционной» историографии с ее попытками разграничить обычное и княжое право. Не менее свежо он выглядел и на фоне советской историографии с ее гиперклассовым подходом к истории.

В то же время, вырастая из обычного (народного) права, княжое право имеет свою специфику. Княжая судебно-уставная деятельность, частично аккумулирующая обычное право, составляет существенную черту развития русского права не только в XI–XII, но и в XIII вв. в условиях развития городских волостей-княжений. Эти самые волости-княжения в очередной раз сближают историка со школой И. Я. Фроянова. Но дальше следует загадочная фраза: «Постепенное возрождение русской государственности на новой основе» [Алексеев 2001, с. 85]. Возрождение какой государственности и на какой новой основе?! В других местах эту прошлую «государственность» историк называет просто «старой системой княжеств и городов» или «старой политической системой, удельно-княжеской» [Алексеев 2001, с. 431]. Когда историк поддается «нескромному обаянию феодализма», он оказывается в тисках противоречий. Особенно заметно это в научно-популярной книге «Под знаменами Москвы», где «феодальные отношения», укрепляясь, способствуют процессу дробления политической власти, потом они же способствуют «собираюнию земель московскими князьями». Развитие крупного феодального землевладения предполагает соответствующий рост городов как центра обмена и реализации прибавочного продукта. В то же время «развитие городов, как крупных экономических центров, противоречило самому принципу феодального раздробления страны на множество слабо связанных друг с другом провинциальных мирков» и т. д. [Алексеев 1992, с. 38–40]. Как бы то ни было, историк рассматривает все княжеские правовые инициативы вплоть до издания Белозерской уставной грамоты. Он сравнивает ее с предшествующей Двинской грамотой и приходит к выводу, что Белозерская грамота — уставная грамота нового типа, в ней ясно заметна тенденция сужения иммунитета и расширения функций великокняжеской власти [Алексеев 1998а, с. 3–17]. В то же время в ней прослеживается глубокая общинная архаика — она симбиоз старой пошрины и новых княжеских установлений [Алексеев 2001, с. 106, 111, 123].

Таковым симбиозом является и Судебник 1497 г. Интереснейшая и крупнейшая глава книги («Судити суд бояром и околничим») рисует нам портрет своеобразной российской государственности, которую Ю. Г. именует земско-служи-

лой. В этом государстве общинное начало (более древнее) органично сочетается с новым государственным. Картина проясняется на путях сближения со школой Фроянова: «Если в Древней Руси общинное начало замыкалось в рамках одной земли — волости, то теперь это начало входит систему нового Российского государства и буквально пронизывает статьи Судебника» [Алексеев 2001, с. 262]. Реформы Ивана Грозного, собственно, были внесением новаций в эту общинную основу.

Такой новацией и важнейшим явлением в истории складывания русского государственного аппарата второй половины XV в. стало развитие дьячества. В социальном плане это был своеобразный симбиоз представителей среднего слоя служилых землевладельцев с выходцами из низших слоев. Но главное — их роль в государственном управлении. Этой теме Ю. Г. посвятил отдельную ценную и интересную монографию: «У кормила Российского государства» [Алексеев 1998]. Изучение аппарата управления историк начал с времени первых московских князей, а точнее — с рубежа XIII–XIV вв. Тогда в Москву началось переселение многих служилых людей из других русских земель. Историк справедливо полагал, что «за счет выходцев из разрушенных княжеских дворов пополнялись ряды московского боярства», а следовательно, укреплялась власть московских князей. Постепенно боярство и дьячество будут все больше участвовать в делах управления [Алексеев 1998с, с. 9]. Впрочем, социально-политическую дифференциацию между дьяками-секретарями и боярами-судьями для этого времени еще нельзя преувеличивать. Бояре и окольные были теми же государевыми служилыми людьми, только более знатными и богатыми, чем дьяки [Алексеев 2001, с. 186].

Органическое соединение служилого начала и общинной пошлины в единую судебную-административную систему, которую можно обозначить как земско-служилую, Ю. Г. обнаружил и в статьях о недельщике [Алексеев 2001, с. 292; Алексеев 1999, с. 3–14]. Общинная старина конституировалась и во второй части Судебника — уставе о местном управлении. Такую же роль общины историк наблюдает и в третьей части Судебника, которая, правда, представляет собой не единый закон, а совокупность законов. Здесь есть, в частности, глава «О послушестве», которая является кодификацией в общерусском масштабе древнего судебного обычая, отраженного также и в ПСГ [Алексеев 2001, с. 352].

Древний обычай, превращенный в писанный закон, исследователь видит и в знаменитой главе «О христианском отказе». Историк здесь рвет пуповину, связывающую его с советской историографией, наивно считавшей эту главу свидетельством этапа закрепощения крестьян в России. Глава входит в более широкий контекст политики княжеской власти. Ограничение иммунитетов, поддержка черной волости, частичная секуляризация, создание поместной системы — звенья одной и той же цепи [Алексеев 1983, с. 102–112]. Стремление к контролю над аграрными и социальными отношениями при сохранении основных институтов — едва ли не наиболее характерная черта политики Ивана III [Алексеев 2001, с. 365].

И в других случаях Ю. Г. смело снимает с современной ему историографии те «феодальные очки», через которые она смотрела на Судебник. Статья 81 вовсе не феодалов касается — это кодификация обычного наследственного права в масштабах государства с ярко выраженным отказом от социально градуированного наследственного права Русской Правды. В статье 82 об «изгородях» нет никаких оснований вслед за Л. В. Черепниным видеть наступление феодальной вотчины.

В главе «О землях суд» впервые появляющийся в законодательстве помещик стоит на одном уровне с крестьянином. Холопство еще не сближалось с крепостным крестьянством, как будет в XVI в., а сохраняло свои традиционные черты личной зависимости. Ю. Г. в отличие от предшественников внимательно рассмотрел статьи «О посулах и послушестве» и «О полевых пошлинах». И здесь он верен себе: статьи не отменяют и не отрицают значения традиционных общинных институтов, а приспособливают старую традицию к новым условиям нового, растущего государственного начала [Алексеев 2001, с. 374, 377, 392, 424, 430].

Итак, блестящая книга о Судебнике 1497 г. рисует убедительный портрет земско-служилой государственности. Выделение такой стадии русской государственности на современном этапе развития исторической науки просто необходимо. Один из авторов этих строк назвал эту же стадию «военно-служилой» [Дворниченко 1993, 2010]. Однако военная составляющая больше выражена в Литовско-Русском государстве (Великое княжество Литовское), с которым Ю. Г. с большим знанием дела сравнивает Российское государство. В сходстве земско-служилого самодержавного государства Ивана III с Францией Филиппа-Августа и Людовика Святого приходится сомневаться, как и с государством Генриха II Английского. Как мы видели, ранее Ю. Г. относил становление самодержавия ко времени окончательной победы поместья и закрепощения крестьян. Кстати, Ю. Г., как и Н. П. Павлов-Сильванский, прекрасно знал западную историографию, читал на нескольких европейских языках. Довольно часто он привлекал европейский материал в качестве сравнительно-исторического для наших пенатов. Но никогда не навязывал свои наблюдения, был осторожен, видел глубокую российскую специфику. Взять хотя бы такой важный вопрос, как существование сословий в России. Он отверг точку зрения «дореволюционных» историков о «закрепощении» сословий в России [Алексеев 2001, с. 432]. В то же время активно поддержал Н. Е. Носова в том, что сословия в России конца XV — первой половины XVI в. были. «Однако наши сословия существенно отличались от сословий таких стран Западной Европы, как Франция»: прежде всего они находились в процессе становления, а главное, строились сверху в интересах государства. Отсюда и третья особенность русских сословий — преобладание обязанностей над правами [Алексеев 2007а, с. 81].

Ю. Г. не только дал нам свое понимание земско-служилого государства, но и ярко осветил политическую и военную его историю, его внутреннюю структуру и внешние связи. Политическая сторона изучена в научно-популярной книге [Алексеев 1992]. В более ранней монографии подробно рассмотрены наиболее важные для государственного строительства годы правления Ивана III [Алексеев 1989]. В отдельной книге дан политический портрет самого государя — один из лучших, которые когда-либо появлялись из-под пера историков [Алексеев 1991а; Иван III 1997, с. 102–124]. В совокупности с рядом колоритных очерков, посвященных героям эпохи [Алексеев 1990, с. 237–243; Алексеев 1995, с. 55–69; Алексеев 1996, с. 323–353], эти труды рисуют яркую картину политической истории земско-служилого государства. Причем и в политической, и в военной сфере «черты новой военно-политической организации тесно переплетаются со старыми, архаичными, восходящими к давним традициям минувших веков» [Алексеев 1992, с. 95]. Это утверждение, на наш взгляд, очень трудно оспорить, хотя в картине политической истории времен Ивана III, нарисованной Ю. Г., очень много спорного, например, касательно

«победы на реке Угре». Не говоря уже о том, что не для всех историков события на Угре — окончание «ига», далеко не все согласятся и с заменой традиционного «стояния» на «победу». Так, Г. В. Вернадский связывал падение власти монголов над Русью с созданием известного Касимовского царства. Лишь близко знавшие Ю. Г. понимают, что тут не последнюю роль сыграл его громадный патриотизм, любовь к России и ее истории. Один из авторов помнит, как Ю. Г. в своих лекциях часто вспоминал стояние на Угре как одно из величайших в военном и политическом значении событий отечественной истории, а 11 ноября предлагал объявить днем образования независимого Русского государства. Многие не соглашались и с его трактовкой присоединения Новгорода. Не нравилось название его научно-популярной книжки «К Москве хотим» [Алексеев 1991b]. Характерно, что тогда же вышла книга Р. Г. Скрынникова под тоже красноречивым названием — «Трагедия Новгорода».

Немало внимания историк уделил внешнеполитическим и торговым связям Русского государства. Это и понятно, ведь, по его убеждению, в это время «Россия поддерживала оживленные дипломатические и экономические отношения с большинством европейских государств и вела активную международную политику» [Алексеев, Бернадская 1984, с. 341].

Ю. Г. всегда интересовался военной историей, блестяще разбирался в истории флота. Тут, видимо, сказалось и его первое образование (он окончил Высшее военно-морское училище им. М. В. Фрунзе, служил на кораблях ВМФ и погранвойск), и то, что его отец был инженером-кораблестроителем [Штыков 2012, с. 3–9]. Интерес к военной истории в стенах университета воплотился у Ю. Г. в чтение спецкурса «Русское войско и военное искусство IX–XVII веков» [Алексеев 2015].

В 2007 г. была издана монография Ю. Г. «Походы русских войск при Иване III». Новизна книги — во всестороннем изучении складывания в конце XV в. института верховного главнокомандования. Этот термин, по мнению Ю. Г., в общих чертах мог быть применим и к реалиям эпохи Ивана III. При создании единого государства усложнялся аппарат управления, усложнялось и управление войсками. Русские войска одновременно действовали на нескольких стратегических направлениях, что превращало главное командование в верховное главнокомандование. При этом функции верховного главнокомандующего осуществлял в большинстве случаев глава государства [Алексеев 2007b].

В книге Ю. Г. впервые тщательно разобраны все военные походы «Государя всея Руси». Последовательно анализируя походы русских войск, Ю. Г. воссоздает картину сложнейших стратегических операций на разных направлениях: псковско-ливонском, смоленско-литовском, восточном, южном, новгородско-тверском, балтийском, а также северном. Часто великому князю и его воеводам приходилось решать сразу несколько важнейших задач, вести боевые действия по нескольким направлениям. Для наиболее оптимального использования войск создавались оперативные группы под командованием опытных военачальников, использовались судовые рати. Очевидно, что без создания принципиально нового института стратегического управления войсками добиться успеха было бы невозможно. Следы деятельности такого аппарата видны по разрядным записям, впервые четко проявившиеся в 1477 г. [Алексеев 2007b, с. 215].

Особое внимание Ю. Г. уделил военным реформам Ивана III, которые относятся к 1480-м годам и связаны с появлением поместного служилого ополчения,

включением служилых корпораций Новгорода и Твери в состав великокняжеского войска, развитием артиллерии.

Успехи Русского государства, прежде всего освобождение Руси от ордынской зависимости, позволили наметить, по мысли Ю. Г., новые направления действий по обеспечению своего суверенитета. Огромную роль при этом играло балтийское направление. Рассматривая историю Свейской войны 1495–1497 гг., историк отметил в числе ее главных причин борьбу против монополии Ганзейского союза на мореплавание и торговлю в Балтийском регионе и невыполнение шведами условий Ореховецкого мира 1323 г. Выход к морю стал важнейшей целью похода Ивана III на Выборг [Алексеев 2010, с. 9–11].

Исследуя походы XV — начала XVI в., Ю. Г. всегда много внимания уделял персональному составу воевод Ивана III [Алексеев 2009, с. 86–97; Алексеев 2011, с. 216–234]. Они всегда были для Ю. Г. сподвижниками первого «Государя всея Руси», созидателями, строителями государства. Для него важно было не только изучить события эпохи, но и спасти от забвения имена отечественных военачальников, по возможности исследовать их биографии.

Глубокое знание истории военного искусства позволяло Ю. Г. эффективно (и эффективно) сравнивать действия русских воевод с действиями Румянцева, Суворова, Бонапарта. При чтении его работ и при личных беседах всегда было большим удовольствием следить за его образными сравнениями, оригинальными идеями. Вероятно, Ю. Г. мог бы составить целую галерею из ярких и точных портретов полководцев разных эпох. Впрочем, частично это ему удалось сделать: незадолго до кончины он написал серию статей о великом русском адмирале Федоре Федоровиче Ушакове.

Труды Ю. Г. еще очень долго не устареют. Поручкой тому — и его талант исследователя, и его скрупулезность источниковеда, и прекрасное знание историографии. Написанные просто и оттого доступно, при всей своей глубокой научности они нашли свою аудиторию не только среди профессиональных историков, но и среди широкой публики. Его многогранное творчество еще ждет своего исследователя, а мы, его ученики и коллеги, сохраним о нем добрую память в своих сердцах.

Источники и литература

- Абрамович Г. В., Алексеев Ю. Г., Масленникова Н. Н., Мюллер Р. Б., Осминский Т. И., Победимова Г. А., Тимошенкова З. А., Шапиро А. Л. Опыт моделирования доходной части бюджета русских землевладельцев и крестьян во 2-й половине XV — начале XVI в. // Тезисы докладов и сообщений XI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (г. Одесса, ноябрь 1969 г.). Ч. 1. М.: Наука, 1969. С. 50–53.
- Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV–XVI в. Л.: Наука, 1971. 402 с.
- Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины. Л.: Наука, 1974. 321 с.
- Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1966. 267 с.
- Алексеев Ю. Г. Андрей Михайлович Плещеев — боярин Ивана III // Средневековая и новая Россия: сб. статей к 60-летию И. Я. Фроянова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 323–353.
- Алексеев Ю. Г. Белозерская Уставная грамота 1488 г. — закон Русского государства о местном управлении // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 2. 1998а. Вып. 2. С. 3–17.
- Алексеев Ю. Г. В. И. Ленин о некоторых чертах русской общины конца XIX в. // В. И. Ленин и проблемы истории. Л.: Наука, 1970а. С. 345–362.
- Алексеев Ю. Г. Введение [к Псковской судной грамоте] // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. М.: Юридическая литература, 1984. С. 321–331.
- Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Наука, 1991а. 240 с.

- Алексеев Ю. Г. «Запись, что тянет душегубством к Москве». Некоторые вопросы датировки и содержания // Российское самодержавие и бюрократия: сб. статей в честь Н. Ф. Демидовой. М.; Новосибирск: Древлехранилище, 2000. С. 50–63.
- Алексеев Ю. Г. К вопросу о сословиях в России XV–XVI вв. Некоторые черты сословной политики Ивана III // Государство и общество в России XV — начала XX века: сб. статей памяти Н. Е. Носова. СПб.: Наука, 2007а. 65–81.
- Алексеев Ю. Г. «К Москве хотим». Закат боярской республики в Новгороде. Л.: Лениздат, 1991b. 158 с.
- Алексеев Ю. Г. Кто такой Василий Долматов // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. К 60-летию со дня рождения Н. Н. Покровского. Новосибирск: Наука, 1990. С. 237–243.
- Алексеев Ю. Г. Межевая книга вотчин Троице-Сергиева монастыря (1557–1559) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 500–541.
- Алексеев Ю. Г. На службе России. Боярин Яков Захарыч // Исторический опыт русского народа и современность. Дом Романовых в истории России. Материалы к докладам, 19–22 июня 1995 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 55–69.
- Алексеев Ю. Г. «Наймит» и «государь» Псковской судной грамоты // Общество и государство феодальной России: сб. статей, посвященных 70-летию Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1975а. С. 22–29.
- Алексеев Ю. Г. Некоторые спорные вопросы в историографии Русского централизованного государства // Генезис и развитие феодализма в России. Вып. 7. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 102–112.
- Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от Ордынского ига / отв. ред. А. И. Копанев. Л.: Наука, 1989. 218 с.
- Алексеев Ю. Г. Основные этапы развития русской общины // Тезисы докладов и сообщений XIV сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Минск — Гродно, 25–29 сент. 1972 г.). Вып. 2. М.: [Б. и.], 1972. С. 205–207.
- Алексеев Ю. Г. Палеографические наблюдения над списками Псковской судной грамоты // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. X. Л.: Наука, 1978а. С. 70–103.
- Алексеев Ю. Г. Первые шаги к морю // Балтийский вопрос в конце XV — XVI в.: сб. науч. статей. М.: Квадрига, 2010. С. 9–11.
- Алексеев Ю. Г. Под знаменами Москвы. Борьба за единство Руси. М.: Мысль, 1992. 268 с.
- Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007b. 464 с.
- Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л.: Наука, 1980. 242 с.
- Алексеев Ю. Г. Псковские купчие XIV–XV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VII. Л.: Наука, 1976а. С. 126–147.
- Алексеев Ю. Г. Пятнадцатирублевый максимум по служилой кабале, служба с земли и феодальная рента // Исследования по социально-политической истории России: сб. статей памяти Б. А. Романова. Л.: Наука, 1971. С. 110–117.
- Алексеев Ю. Г. Русское войско и военное искусство IX–XVII веков: учеб.-методич. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. 143 с.
- Алексеев Ю. Г. Список воевод Ивана III // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Т. 6. Русские древности. К 75-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 216–234.
- Алексеев Ю. Г. Статьи о «вдачестве» (опыт терминологического анализа древнерусских юридических текстов) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. IX. Л.: Наука, 1978b. С. 148–173.
- Алексеев Ю. Г. Статьи о неделщиках. Реформа центрального судебно-полицейского аппарата при Иване III // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. 1999. Вып. 1. С. 3–14.
- Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 448 с.
- Алексеев Ю. Г. «Отселе история наша приемлет достоинство истинно государственной» // Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 6. М.: Наука, 1998b. С. 377–402.
- Алексеев Ю. Г. Тверичи — воеводы Ивана III // Первый Петербургско-Тверской семинар «Тверской край в науке и культуре». Тверь: Седьмая буква, 2009. С. 86–97.
- Алексеев Ю. Г. Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Очерки политической и социальной истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975 [Рец.] // История СССР. 1976b. № 5. С. 204–205.
- Алексеев Ю. Г. Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М.: Наука, 1967 [Рец.] // Скандинавский сборник. Т. 15. Таллинн: Ээсти Раамат, 1970b. С. 256–261.
- Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998с. 352 с.
- Алексеев Ю. Г. Холоп на пашне в свете данных топонимики // Исследования по отечественному источниковедению: сб. статей, посвященный 75-летию С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. С. 435–438.

- Алексеев Ю. Г. Частный земельный акт феодальной Руси (от Русской Правды до Псковской судной грамоты) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VI. Л.: Наука, 1974. С. 125–141.
- Алексеев Ю. Г. Черная волость Костромского уезда XV в. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России: сб. статей памяти Ивана Ивановича Смирнова. Л.: Наука, 1967. С. 72–84.
- Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. Т. 103. М.: Наука, 1979. С. 242–274.
- Алексеев Ю. Г. Челядин-наймит Правосудия митрополичьего // Россия на путях централизации: сб. статей, посвященных А. А. Зимину. М.: Наука, 1982. С. 41–48.
- Алексеев Ю. Г., Бернадская Е. В., Шаркова И. С. Россия и Италия. Л.: Наука, 1984. [Рец.] // Средние века. Вып. 47. М.: Наука, 1984. С. 339–342.
- Алексеев Ю. Г., Копанев А. И. Развитие поместной системы в XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.: сб. статей памяти А. А. Новосельского. М.: Наука, 1975. С. 57–69.
- Аракчеев В. А., Стрельников С. В. Юрий Георгиевич Алексеев // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 5–24.
- Даниил Аль [Альшиц Д. Н.]. Шаги истории России из прошлого в будущее. СПб.: Наука, 2007. 368 с.
- Дворниченко А. Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. М.: «Весь Мир», 2013. 232 с.
- Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.; М.: ЕВРАЗИЯ; Клио, 2014. 560 с.
- Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М.: «Весь Мир», 2010. 939 с.
- Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. 240 с.
- Дворниченко А. Ю. Эволюция городской общины и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. 1988. № 1. С. 58–73.
- Зимин А. А. Юрий Георгиевич Алексеев // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 3–6.
- Иван III // Великие государственные деятели: учеб. пособие. М.: Изд. центр «Владос», 1997. С. 102–124.
- Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1994. № 3. С. 143–157.
- Муравьев В. А. Теории феодализма в России в русской историографии конца XIX — начала XX в. М.: Квадрига, 2016. 404 с.
- Петров К. В. Юрий Георгиевич Алексеев и его путь в истории // Российское государство в XIV–XVII вв.: сб. ст., посвященных 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 10–16.
- Псковская Судная грамота. Текст. Комментарий. Исследование. Псков: Изд-во Центра «Возрождение», 1997. 146 с.
- Смирнов И. И. Заметки о феодальной Руси XIV–XV вв. // История СССР. 1962. № 2. С. 153–156; № 3. С. 138–162.
- Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. 440 с.
- Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. 256 с.
- Штыков Н. В. Юрий Георгиевич Алексеев — профессор Санкт-Петербургского государственного университета // Русское средневековье: сб. статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева. М.: Древлехранилище, 2012. С. 3–9.
- Юрий Георгиевич Алексеев. К 75-летию со дня рождения: библиографический указатель трудов, 1960–2000 / сост. К. В. Петров. СПб.: Европейский дом, 2001. С. 8–10.
- Dvornichenko A. Yu. The Place of the Kievan Rus in history // Вестн. СПбГУ. История. 2016. Вып. 4. С. 5–17.

References

- Abramovich G. V., Alekseev Yu. G., Maslennikova N. N., Myuller R. B., Os'minskii T. I., Pobedimova G. A., Timoshenkova Z. A., Shapiro A. L. Opyt modelirovaniia dokhodnoi chasti biudzheta russkikh zemlevladel'tsev i krest'ian vo 2-i polovine XV — nachale XVI v. *Tezisy dokladov i soobshchenii XI sessii simpoziuma po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy (g. Odessa, noiabr' 1969 g.)*. Chapter 1. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 50–53. (In Russian)

- Agrarnaia istoriia Severo-Zapada Rossii. Vtoraia polovina XV–XVI v. Leningrad, Nauka Publ., 1971, 402 p. (In Russian)
- Agrarnaia istoriia Severo-Zapada Rossii XVI veka: Novgorodskie piatiny. Leningrad, Nauka Publ., 1974, 321 p. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. Agrarnaia i social'naia istoriia Severo-Vostochnoi Rusi XV–XVI vv. Pereiaslavskii uезд. Moscow, Leningrad, AN USSR Publ., 1966, 267 p. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. Andrei Mikhailovich Pleshcheev — boiarin Ivana III. *Srednevekovaia i novaia Rossiia*. Sbornik statei k 60-letiiu I. Ia. Froianova. St. Petersburg, SPbGU Publ., 1996, pp. 323–353. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. V.I. Lenin o nekotorykh chertakh russkoi obshchiny kontsa XIX v. *V.I. Lenin i problemy istorii*. Leningrad, Nauka Publ., 1970a, pp. 345–362. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. Vvedenie [k Pskovskoi sudnoi gramote]. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. Tom 1. Zakonodatel'stvo Drevnei Rusi*. Ed. by V. L. Ianin. Moscow, "Iuridicheskaiia literatura" Publ., 1984, pp. 321–331. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. "Zapis', chto tianet dushegubstvom k Moskve". Nekotorye voprosy datirovki i sodержaniia. *Rossiiskoe samoderzhavie i byurokratiia*. Sbornik statei v chest' N. F. Demidovoi. Moscow, Novosibirsk, "Drevlehraniliche" Publ., 2000, pp. 50–63. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. Belozerskaia Ustavnaia gramota 1488 g. — zakon Russkogo gosudarstva o mestnom upravlenii. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Series 2, 1998a, issue 2, pp. 3–17. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. Gosudar' vseia Rusi. Ed. by N. Pokrovsky. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991a, 240 p. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. K voprosu o sosloviakh v Rossii XV–XVI vv. Nekotorye cherty soslovnoi politiki Ivana III. *Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii XV — nachala XX veka*. Sbornik statei pamiati N. E. Nosova. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007a, pp. 65–81. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. «K Moskve khotim». Zakat boiarskoi respubliki v Novgorode. Leningrad, Lenizdat Publ., 1991b, 158 p. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. Kto takoi Vasilii Dolmatov. *Obshchestvennoe soznanie, knizhnost', literatura perioda feodalizma*. K 60-letiiu so dnia rozhdeniia N. N. Pokrovskogo. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, pp. 237–243. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. Mezhevaia kniga votchin Troitse-Sergieva monastyria (1557–1559). *Voprosy istoriografii i istochnikovedeniia istorii SSSR*. Moscow, Leningrad, AN USSR Publ., 1963, pp. 500–541. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. Na sluzhbe Rossii. Boiarin Iakov Zahar'ich. *Istoricheskii opyt russkogo naroda i sovremennost'*. *Dom Romanovykh v istorii Rossii*. Materialy k dokladam, 19–22 iunია 1995 g. St. Petersburg, SPbGU Publ., 1995, pp. 55–69. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. "Naimit'" i "gosudar'" Pskovskoi sudnoi gramoty. *Obshchestvo i gosudarstvo feodal'noi Rossii*. Sbornik statei, posviashchennykh 70-letiiu L. V. Cherepnina. Moscow, Nauka Publ., 1975a, pp. 22–29. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. Nekotorye spornye voprosy v istoriografii Russkogo centralizovannogo gosudarstva. *Genezis i razvitie feodalizma v Rossii*. Issue 7. Leningrad, LGU Publ., 1983, pp. 102–112. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. *Osvobozhdenie Rusi ot Ordynskogo iga*. Ed. by A. I. Kopanev. Leningrad, Nauka Publ., 1989, 218 p. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. Osnovnye etapy razvitiia russkoi obshchiny. *Tezisy dokladov i soobshchenii XIV sessii simpoziuma po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy (Minsk — Grodno, 25–29 sentiabria 1972 g.)*. Issue 2. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 205–207. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. Paleograficheskie nabliudeniia nad spiskami Pskovskoi sudnoi gramoty. *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny*. Issue X. Leningrad, Nauka Publ., 1978a, pp. 70–103. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. Pervye shagi k moriu. *Baltiiskii vopros v kontse XV–XVI vv.* Sbornik nauchnykh statei. Moscow, Kvadruga Publ., 2010, pp. 9–11. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. *Pod znamenami Moskvy. Bor'ba za edinstvo Rusi*. Moscow, Mysl' Publ., 1992, 268 p. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. *Pokhody russkikh voisk pri Ivane III*. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2007b, 464 p. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. *Pskovskaia Sudnaia gramota i ee vremia. Razvitie feodal'nykh otnoshenii na Rusi XIV–XV vv.* Leningrad, Nauka Publ., 1980, 242 p. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. Pskovskie kupchie XIV–XV vv. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Issue VII. Leningrad, Nauka Publ., 1976a, pp. 126–147. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. Piatnadsatsatirublevyi maksimum po sluzhiloi kabale, sluzhba s zemli i feodal'naia renta. *Issledovaniia po social'no-politicheskoi istorii Rossii*. Sbornik statei pamiati B. A. Romanova. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 110–117. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. *Russkoe voisko i voennoe iskusstvo IX–XVII vekov*. Uchebno-metodicheskoe posobie. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2015, 143 p. (In Russian)

- Alekseev Yu. G. Spisok voevod Ivana III. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Tom 6. Russkie drevnosti*. K 75-letiiu professora Igoria Iakovlevicha Froianova. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2011, pp. 216–234. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. Stat'i o "vdachestve" (opyt terminologicheskogo analiza drevnerusskikh iuridicheskikh tekstov). *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Leningrad, Nauka Publ., 1978b, issue IX, pp. 148–173. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. Stat'i o nedelshchikakh. Reforma tsentral'nogo sudebno-politseiskogo apparata pri Ivane III. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 2*, 1999, issue 1, pp. 3–14. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. *Sudebnik Ivana III. Traditsiia i reforma*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2001, 448 p. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. "Osele istoriia nasha priemlet dostoinstvo istinno gosudarstvennoi". Karamzin N. M. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo*. Issue 6. Moscow, Nauka Publ., 1998b, pp. 377–402. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. Tverichi — voevody Ivana III. *Pervyi Peterburgsko-Tverskoi seminar "Tverskoi krai v nauke i kul'ture"*. Tver', "Sed'maia bukva" Publ., 2009, pp. 86–97. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. Skrynnikov R. G. Rossiia posle oprichniny. Ocherki politicheskoi i social'noi istorii. Leningrad, Leningrad University Publ., 1975 [Book review]. *Istoria SSSR*, 1976b, issue 5, pp. 204–205. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. Gurevich A. Ia. Svobodnoe krest'ianstvo feodal'noi Norvegii. Moscow, Nauka, 1967 [Book review]. *Skandinavskii sbornik*. Issue 15. Tallinn, "Eesti Raamat" Publ., 1970b, pp. 256–261. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. *U kormila Rossiiskogo gosudarstva*. St. Petersburg, SPbGU Publ., 1998c, 352 p. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. Kholop na pashne v svete dannykh toponimiki. *Issledovaniia po otechestvennomu istochnikovedeniiu*. Sbornik statei, posviashchennyi 75-letiiu S. N. Valka. Moscow, Leningrad, AN USSR Publ., 1964, pp. 435–438. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. Chastnyi zemel'nyi akt feodal'noi Rusi (ot Russkoi Pravdy do Pskovskoi sudnoi gramoty). *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Issue VI. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 125–141. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. Chernaia volost' Kostromskogo uezda XV v. *Krest'ianstvo i klassovaia bor'ba v feodal'noi Rossii*. Sbornik statei pamiati Ivana Ivanovicha Smirnova. Leningrad, Nauka Publ., 1967, pp. 72–84. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. "Chernye liudi" Novgoroda i Pskova (k voprosu o social'noi evoliutsii drevnerusskoi gorodskoi obshchiny). *Istoricheskie zapiski*. Issue 103. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 242–274. (In Russian)
- Alekseev Yu. G. Cheliadin-naimit Pravosudiia mitropolich'ego. *Rossiia na putiah centralizatsii*. Sbornik statei, posviashchennykh A. A. Ziminu. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 41–48. (In Russian)
- Alekseev Yu. G., Bernadskaya E. V., Sharkova I. S. Rossiia i Italiia. Leningrad, Nauka Publ., 1984 [Book review]. *Srednie veka*. Issue. 47. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 339–342. (In Russian)
- Alekseev Yu. G., Kopanev A. I. Razvitie pomestnoi sistemy v XVI v. *Dvorianstvo i krepostnoi stroi Rossii XVI–XVIII vv*. Sbornik statei pamiati A. A. Novosel'skogo. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 57–69. (In Russian)
- Arakcheev V. A., Strel'nikov S. V. Iurii Georgievich Alekseev. *Issledovaniia po istorii srednevekovoi Rusi*. K 80-letiiu Iuriiia Georgievicha Alekseeva. Moscow, St. Petersburg, Alliance archeo Publ., 2006, pp. 5–24. (In Russian)
- Daniel Al' [Al'shich D. N.]. Shagi istorii Rossii iz proshlogo v budushchee. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, 368 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Gorodskaya obshchina Verkhnego Podneprov'ia i Podvin'ia v XI–XV vv. Moscow, "Ves' Mir" Publ., 2013, 232 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Zerkala i khimery. O vznikenoveni drevnerusskogo gosudarstva*. St. Petersburg, Moscow, «Eurasia» Publ., Klio Publ., 2014, 560 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Rossiiskaya istoriia s drevneishikh vremen do padeniia samoderzhaviia*. Moscow, «All World» Publ., 2010, 939 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Russkie zemli Velikogo kniazhestva Litovskogo (do nachala XVI v.)*. St. Petersburg, SPbGU Publ., 1993, 240 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Evoliutsiia gorodskoi obshchiny i genezis feodalizma na Rusi. *Voprosy istorii*, 1988, issue 1, pp. 58–73. (In Russian)
- Zimin A. A. Iurii Georgievich Alekseev. *Rossiiskoe gosudarstvo v XIV–XVII vv*. Sbornik statei, posviashchennyi 75-letiiu so dnia rozhdeniia Iu. G. Alekseeva. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2002, pp. 3–6. (In Russian)
- Ivan III. *Velikie gosudarstvennye deiateli*. Moscow, "Vlados" Centr Publ., 1997, pp. 102–124. (In Russian)

- Krivosheev Yu. V., Dvornichenko A. Yu. Izgnanie nauki: rossiiskaia istoriografiia v 20-h — nachale 30-kh godov XX veka. *Otechestvennaia istoriia*, 1994, issue 3, pp. 143–157. (In Russian)
- Murav'ev V. A. *Teorii feodalizma v Rossii v russkoi istoriografii kontsa XIX — nachala XX v.* Moscow, Kvadriga Publ., 2016, 404 p. (In Russian)
- Petrov K. V. Iurii Georgievich Alekseev i ego put' v istorii. *Rossiiskoe gosudarstvo v XIV–XVII vv.* Sbornik statei, posviashchennykh 75-letiiu so dnia rozhdeniia Yu. G. Alekseeva. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2002, pp. 10–16. (In Russian)
- Pskovskaia Sudnaia gramota.* Tekst. Kommentarii. Issledovanie. Pskov, Centr “Vozrozhdenie” Publ. 1997, 146 p. (In Russian)
- Smirnov I. I. Zametki o feodal'noi Rusi XIV–XV vv. *Istoriia SSSR*, 1962, issue 2, pp. 153–156; issue 3, pp. 138–162. (In Russian)
- Sud'by tvorcheskogo naslediiia otechestvennykh istorikov vtoroi poloviny XX veka.* Comp. by A. L. Horoshkevich. Moscow, Akvarius Publ., 2015, 440 p. (In Russian)
- Froyanov I. Ya. *Kievskaia Rus'. Ocherki social'no-politicheskoi istorii.* Leningrad, LGU Publ., 1980, 256 p. (In Russian)
- Shtykov N. V. Iurii Georgievich Alekseev — professor Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. *Russkoe srednevekov'e.* Sbornik statei v chest' professora Iuriiia Georgievicha Alekseeva. Moscow, “Drevlehraniliche” Publ., 2012, pp. 3–9. (In Russian)
- Iurii Georgievich Alekseev. K 75-letiiu so dnia rozhdeniia.* Biobibliograficheskii ukazatel' trudov, 1960–2000. Comp. by K. Petrov. St. Petersburg, “Evropeiskii dom” Publ., 2001, pp. 8–10. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. The Place of the Kievan Rus in history. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2016, issue 4, pp. 5–17.

Received: 16.08.2017

Accepted: 20.11.2017